

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ (Москва)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СУФФИКСАЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА *s* В ФОРМАХ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В МОРДОВСКИХ И МАРИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В некоторых формах повелительного наклонения в мордовских и марийском языках обнаруживается суффиксальный элемент *s*, происхождение которого, как нам представляется, до сих пор окончательно не выяснено. Приводимые парадигмы показывают, как представлен этот суффиксальный элемент.

Ед. ч.

Мн. ч.

Эрзя-мордовский язык

3 л. <i>корта-з-о</i>	'пусть говорит'	<i>корта-с-т</i>	'пусть говорят'
-----------------------	-----------------	------------------	-----------------

Мокша-мордовский язык

1 л. <i>кандо-з-ан</i>	'пусть я несу'	<i>кандо-с-тама</i>	'пусть мы несем'
2 л. <i>кант-т</i>	'пусть ты несешь'	<i>канд-да</i>	'пусть вы несете'
3 л. <i>кандо-з-а</i>	'пусть он несет'	<i>кандо-с-т</i>	'пусть они несут'

Марийский язык

2 л. <i>возо</i>	'пиши'	<i>воз-ы-з-а</i>	'пишите'
3 л. <i>возы-ж-о</i>	'пусть он пишет'	<i>воз-ы-ш-т</i>	'пусть они пишут'

В марийском языке *ž* возник из интервокального *š*, который в свою очередь — из первоначального *s.

Ф. И. Гордеев возводит суффиксальный элемент *s* к финно-угорскому *s*-овому местоимению и связывает с притяжательным суффиксом 3-го л. ед. ч.¹ По мнению И. С. Галкина, развитие формы 3-го л. ед. ч. повелительного наклонения можно представить в следующем виде: *tolekse > *tolâzâ* > *tolžâ* > *tolžo* 'пусть он придет'. Элемент *k* после ударного слога из сочетания *ks* выпал, в результате чего *s* оказался между двумя гласными, озвончился и превратился в *z*, впоследствии свистящий *z* перешел в шипящий *ž*. Случаи перехода *s > *z* > *ž* в марийском языке имеются.² Положение И. С. Галкина требует некоторых пояснений: *tolekse* слагается у него из составных частей: *tole-*

¹ Ф. И. Гордеев, Косвенные наклонения и формы субъективной оценки глагола в марийском языке, Москва 1961, с. 75 (Канд. дисс.).

² И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка. Морфология I, Йошкар-Ола 1964, с. 140.

(основа глагола), *k* (показатель настоящего времени), *se* (основа местоимения *se-* 'этот'). Окончание 2 л. мн. ч. *za* в марийском языке И. С. Галкин выводит из первоначального *ta* (*da*). Переход $t > z$ в положении между гласными марийскому языку не чужд, ср. мар. *визыт* 'пять', фин. *viisi, viite-* то же. Форма 3-го л. мн. ч., по мнению И. С. Галкина, прозрачна. Она образовалась путем присоединения показателя мн. ч. *t* к форме 3 л. мн. ч.³ Таким образом, суффиксальный элемент *s* И. С. Галкин возводит к притяжательному суффиксу 3 л. ед. ч., развившемуся из указательного местоимения с основой *se-*.

Пытаясь объяснить происхождение этого элемента в мордовских языках, мы также возводили его к притяжательному суффиксу 3 л. ед. ч. *zo* ($< so$).⁴ В настоящее время нам представляется, что подобные попытки объяснения происхождения суффиксального *s* ошибочны.

Ведь для того, чтобы данная форма выражала определенную модальность, в ее составе необходим какой-то элемент, имеющий модальное значение. Совершенно естественно, что притяжательный суффикс сам по себе модального значения иметь не мог и присоединение его к основе глагола никакого модального значения также не создавало. Сходство с притяжательным суффиксом 3-го лица здесь чисто внешнее. Поэтому при выяснении истории форм повелительного наклонения в мордовских и марийском языках необходимо исходить из других посылок.

Суффиксальный показатель *s* сам должен был иметь модальное значение. И, действительно, в марийском языке можно найти форму с модальным значением, где показатель *s* также встречается. Мы имеем в виду т. н. причастие будущего времени на *-šaš*, например: *толшаш уна* 'гость, который должен прийти', *ыштышаш паша* 'работа, которая должна быть выполнена', *марлан кайшаш йдыр* 'девушка, которая должна выйти замуж'. Подобных причастий, замечает И. С. Галкин, нет в других родственных языках. Происхождение суффикса *-šaš* И. С. Галкин объясняет следующим образом: «Суффикс *-шаш* по происхождению сложный. Он сложился из двух элементов *-ш + аш*, из которых первый является суффиксом активного причастия *-ше* из финно-угорского *še*, второй же элемент восходит к древнему суффиксу имен прилагательных с *š*-овым элементом, который представлен в *-аш* (*икияш* 'одногодка, годовалый')». ⁵ Второй элемент имеет прямое соответствие в финском языке, ср. *vuotias* 'годовалый'. По мнению И. С. Галкина, «историческое развитие суффикса *-шаш* можно представить так: $-še + aš > -šaš$. Причастие будущего времени сложилось из активного причастия на *-ше* и имени прилагательного на *-аш* со значением потенциальной возможности. А от значения потенциальной возможности до значения будущего времени всего лишь один шаг». ⁶

Следует, однако, заметить, что ни один из постулируемых Галкиным суффиксов не имеет модального значения. По всей видимости, здесь дело обстоит иначе: к основе глагола (может быть, прямо к его корню) присоединялся модальный суффикс *s* и уже затем суффикс прилагательного *aš*, например, *тол + ш + аш* 'долженствующий прийти' или 'тот, который должен прийти'.

Значения причастия будущего времени на *-шаш* уже исследовались

³ И. С. Галкин, указ. раб., с. 141.

⁴ Б. А. Серебренников, Историческая морфология мордовских языков, Москва 1957, с. 167.

⁵ И. С. Галкин, указ. раб., с. 166.

⁶ Там же, с. 167.

марийскими языковедами. З. В. Учаев отмечал, что оно как форма, обладающая глагольными признаками, в роли сказуемого может выражать различные модальные значения, основными из которых являются долженствование, необходимость, возможность и т. д.⁷

Дополняя выводы З. В. Учаева, Л. П. Васинова указывает, что эти модальные значения между собой не равны, в абсолютном большинстве случаев как в односоставных, так и в двусоставных предложениях доминирует значение долженствования, например: *Айдеме илаш сочын. Тудо ылышаи. Шке пиалжы верч, ончыкылыкшо верч кучедалшаи* (А. Юдыкайн, Кугызан вуй, 62) 'Человек рожден жить. Должен бороться за свое счастье, за свое будущее'. Значение долженствования может иметь дополнительные модальные оттенки — необходимости, принадлежности, желательности, императивности, пожелания, волеизъявления и т. п. Иногда в форме на *-шаи* конкретное модальное значение бывает стерто, например, *-ала-кузе ылы-шаи?* 'как жить?'.⁸

В финно-угорских языках существовал особый показатель модальности *s. Значение этой модальности могло быть довольно широким — долженствование, оптативное значение, выражение предполагаемого действия и т. д.

В мордовских языках, а также в марийском этот показатель модальности принял участие в образовании некоторых форм повелительного наклонения, которые правильнее было бы назвать формами оптатива или желательного наклонения, ср. мордЭ *кортазо* 'пусть говорит', *кортаст* 'пусть они говорят', мар. *возыжо* 'пусть он пишет', *возышт* 'пусть они пишут'. Необходимо заметить, что аналогичные формы имеются и в саамском языке, ср. саамН *böttu-s* 'пусть приходит', *dol'vu-s* 'пусть ведет', *böttu-sek* 'пусть приходят', *dol'vu-sek* 'пусть ведут'.

Гласный *о* в мордовских и марийских формах 3 л. ед. ч. типа *кортазо*, *возыжо* возник нефонетическим путем. В мордовском языке он появился для различения форм типа *кундазо* 'пусть он принесет' и *кундызе* 'он принес (его)'.⁹

Установив модальный суффикс *s*, можно производить дальнейшие разыскания его возможного присутствия и в других формах. Показатель *s* несомненно присутствует в формах т. н. побудительного наклонения, которое в современном эрзя-мордовском языке употребляется очень редко.

Ед. число

Мн. число

1 л. <i>молезан</i>	'пусть я иду'	<i>молездано</i>	'пусть мы идем'
2 л. <i>молезат</i>	'пусть ты идешь'	<i>молездадо</i>	'пусть вы идете'
3 л. <i>молезэ</i>	'пусть он идет'	<i>молест</i>	'пусть они идут'

Не исключена возможность, что суффикс *s* содержится в составе суффикса *ks*, выполняющего функции показателя желательного наклонения в мордовских языках.

⁷ З. В. Учаев, О сказуемом употреблении причастий будущего времени в марийском языке. — Труды МарНИИ XII 1958, с. 166.

⁸ Л. П. Васинова, Модальные значения причастий будущего времени в современном марийском языке. — Вопросы марийского языка, Йошкар-Ола 1975, с. 78—81.

Эрзя-мордовский язык

Ед. ч.

Мн. ч.

- 1 л. *кучиксэлинь* 'я хотел послать' *кучиксэлинек* 'мы хотели послать'
2 л. *кучиксэлить* 'ты хотел послать' *кучиксэлиде* 'вы хотели послать'
3 л. *кучиксэль* 'он хотел послать' *кучиксэльть* 'они хотели послать'

В мокша-мордовском соответственно *кудальксолень* и т. д.

До сих пор остается загадочным происхождение элемента *s* в окончании 3 л. ед. ч. будущего времени *-ас* в коми-зырянском языке, например, *локт-ас* 'он придет', *босьт-ас* 'он возьмет' и т. д. Возможно, здесь тоже скрыт интересующий нас суффикс *s*, первоначально имевший модальное значение.

В. А. SEREBRENNIKOV (Moskau)

ÜBER DEN URSPRUNG DES SUFFIXALEN ELEMENTES *s*
IN DEN IMPERATIVFORMEN DER MORDVINISCHEN
SPRACHEN UND DES MARISCHEN

Einige Imperativformen in den mordvinischen Sprachen und im Marischen enthalten ein suffixales Element *s*, dessen Ursprung bisher unbefriedigend erklärt ist.

Viele Forscher behaupten, daß dieses Element aus dem pronominalen Stamm *se-* entstanden sei. Aber warum haben die Formen mit diesem Element eine ausgesprochen modale Bedeutung? Der Verfasser nimmt an, daß dieses Element ein besonderes Kennzeichen für die Modalität ist. Seine Spuren sind auch in anderen Formen vertreten, z. B. im marischen futuralen Partizip auf *-šaš* und in den mordvinischen Optativformen.